Дмитрий Воронин

Миротворец

Утром колхозники по старой привычке собрались у конторы. Бабы визгливо бранились между собой, мужики, покуривая «Приму», пересмеивались, обсуждая государственные новости да вчерашние свои похождения.

– Костыль, а чё ты здесь делаешь? Ты ж вчерась уехать грозился.

– Куды это? – забегал глазками щуплый рыжий мужичок.

– Как – куды, сербам помогать, забыл, что ли? – притворно удивлялись мужики.

– Не помню такого.

– Не помнит он!.. Вчера вечером полдеревни взбаламутил, ходил, кричал, что, мол, поеду браткам православным подсоблю с Клинтоном разобраться.

– Не может быть, – зарделся Костыль.

– Не может быть! – со смехом передразнили его. – А кто с себя одёжу срывал да в грудь колотил, мол, всех к едрёной матери перестреляю, и Клинтона, и Коля, и Ельцина, а сербов в обиду не дам!

– Да брешете вы всё, – отмахнулся Костыль. – Я вчера рано домой пришёл.

– Шур, – окликнул Костылеву половину Васёк, – твой говорит, что намедни домой без проблем добрался.

– Убила бы гада ползучего! – раздалось в ответ из бабьей кучи. – Явился в одних трусах, еле на ногах держится, да и орет: «Собирай меня, жена, в освободительную армию, повестку для меня из Кремля сегодня… сообчили, что направляют меня на защиту Югославии! Закуски в мешок сложи, сальца там, лучку, огурчиков, хлебца и рублей сто на поездку дай. Еду я, жена, на войну, может, и не вернусь уж обратно, знать, судьба моя такая». Вот ведь какой Илья Муромец выискался!

Вокруг все грохнули хохотом.

– Ну а дальше? – подзуживали Шуру.

– А что дальше? Самой интересно стало, что дальше будет. Стою, молчу, а этот освободитель чокнутый распинается передо мной в одних трусах. Я, мол, не могу простить такой наглости импирилистам, отвечу на весь их наглёж со всей своей душевностью, я им покажу русскую славу своих предков, напомню, как братья-славяне их колотили, всё НАТО вздрогнет! Чего зенки свои вылупил? Вояка голозадый, пьянь несусветная! – под оглушительный смех набросилась на Костыля супружница

– Замолчи, змеюка! – взвился Костыль. – Будет брехать-то, вот погоди уже, дома поговорим.

– Нет уж, пусть все слушают, – отвернулась от мужа озлившаяся бабёнка. – Ну вот, дальше – больше, расхрабрился совсем, кричит: «Баба, где мое оружие?» – «Какое?» – спрашиваю. Промычал что-то невнятное, – видно, соображал, а потом и заявляет: топор, мол, возьму – буду в горах

партизанить, и нож – на разведку ходить. Спрашиваю, а как партизанить-то будешь? Отвечает: соберу по югославским деревням всех мужиков-колхозников и уйдем, как Ковпак, в горы – эшелоны натовские подрывать и на их гарнизоны нападать, а там и наш десант с Лебедем подоспеет. Разгромим врага – и на Вашингтон, за Родину. Ну а дальше что? – интересуюсь. А дальше, заливает, Клинтона трибуналом судить будем, НАТО разгоним и Аляску назад себе заберём.

– Что ты брешешь, что брешешь! Совсем из ума выжила! – побелел от злости Костыль.

Народ покачивался от безудержного смеха.

– Костыль, помолчи! Шур, продолжай, не бойся!

– Ну вот, значит, как войну закончим, говорит, вернёмся с победой домой. Ты, значит, Шур, всех в деревне собери, столы накрой, самогону побольше навари, я речь толкать буду. Про что? – спрашиваю. Про войну и победу, про партизанов и трибунал, отвечает, про то, как дальше жить станем. Ну и как, спрашиваю, жить дальше после всего этого с тобой придётся?

У баб кончились силы для смеха, у многих из глаз катились слёзы.

– Шурка, богом заклинаю! – орал опозоренный Костыль. – Что вы верите этой дуре, не видите, что глумится она надо мной?!

– Шурка, – давились слезами бабы, – про жизнь после победы расскажи, каково нам в ней будет!

– Ну вот, я, значит, мешок в дорогу ему готовлю, а он стоит посередь кухни в одних трусах, руками размахивает и будущее мне расписывает, как тот Кашпировский. Мы, говорит, и тут порядок наведем, когда возвернёмся. Сразу, мол, как прилетим, десант на Кремль сбросим, всех заарестуем и разберёмся, кто там у них в предателях числится, кто нашу страну импирилистам продавал. Всех, кричит, в лагеря, на Колыму, в пожизненное заключение на хлеб и воду, а потом новую жизнь зачнём строить.

– Заткнись, убью! – рванулся Костыль к супруге, но тут же был перехвачен мужиками. – Всё равно убью!

– Поди Клинтона убей, герой югославского народа! – огрызнулась Шурка. – Там тебя, поди, заждались, когда ты поезда под откос пускать начнёшь.

– В горах! – грянули с новой силой мужики. – Давай, Шур, про счастливое будущее!

– Ну, я и говорю, запел, значит: Шур, колхозы восстановим, деньги вовремя платить начнём, всех чиновников в районе в дерьмочисты переведём, а нашу бухгалтерию – им в помощники. Зарплату положим для них рублей в десять, доллар отменим и всех спекулянтов землю пахать пошлём. А сами в ихние дворцы вселимся и на Кипр, в море купаться, каждую неделю на выходные ездить будем.

– Ай да Костыль, ай да сукин сын! Небось дворец-то Березовского себе присмотрел, не больше и не меньше, а?

– Да идите вы, – уже слабо отбивался незадачливый партизан. – Нашли кого слушать.

– Продолжай, Шурка, – задергали бабы не на шутку разгорячившуюся жену героя.

– А чего продолжать, заканчивать пора! Я к этому времени мешок с продуктами ему собрала, протягиваю и говорю так жалостливо: «Вот, Ваня, харчи тебе на дорогу, паспорт там в тряпочку завернут. Всё, Ваня, иди отсюда и без победы не возвращайся. Я тебя ждать буду».

– Ну, а он что? – застонали бабы.

– А что? Уставился на меня, как баран, да как заорет: ты куда это, мол, меня гонишь? Я ему втолковываю: как – куда, в горы к сербам – эшелоны подрывать, сам же собирался. Да?.. – удивляется. Забыл, видать, начало разговора. Так, может, спрашивает, это до завтра отложить? Нет, отвечаю, раз собрался, иди. Да куда я на ночь глядя, кричит, и без одежды? Одежду, говорю, тебе в Югославии дадут, ты, мол, домой уже без одежды пришёл, а ночью, продолжаю, добираться сподручней – никто тебя не заметит, когда через границы переходить станешь, да и сам говоришь: партизанить собрался, а партизаны только по ночам и орудуют.

– Врет! – забился в бессильной ярости Костыль.

– Не вру, вот те крест, – перекрестилась Шурка. – Заныл, значит, как я, мол, без денег, дай хоть сотню. Не, говорю, русские деньги тебе там ни к чему, а долларов у меня отродясь не бывало. Ступай, говорю, Ваня, время не терпит, а то как не успеешь к сроку в горы прийти, до рассвета не управишься, импирилисты перехватят, они ведь тоже не дураки, на разведку ходят, – закончила Шура.

– Не томи, рассказывай дальше, – загалдели вокруг.

– А всё.

– Как – всё?

– А так. Я ведь другой рукой уже скалку над головой занесла, он-то понял, что не шучу, и шмыгнул за двери. Я дверь на крючок и спать. Вот сейчас только и встретились.

– Где ж ты, Костыль, был всю ночь? – повернулись к рыжему мужику сельчане. – К границе разведку делал, что ли?

– На сеновале спал, – уныло прохрипел Костыль. – Проснулся – ничего не помню, слез с сеновала, смотрю – одежда на заборе висит.

– Это я тебе вчера ее туда повесил, – засмеялся Васёк, – когда ты её по дороге разбрасывал.

– Не помню я ничего.

– Цирк с тобой, да и только, – похлопывая Костыля по плечам, успокаивались мужики. – То ты армян рвешься от землетрясения спасать, как напьешься, то Белый дом защищать, то в Чечню воевать, а теперь вот в Югославию собрался. Клоун ты, Костыль.

– Так ведь душа у меня не на месте, – защищался сердобольный мужичок. – Как выпью, так всю эту несправедливость готов одним моментом изничтожить, а то ведь жить невозможно.